

УДК 94(47)

UDC 94(47)

07.00.00 Исторические науки

Historical sciences

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В КАЛМЫЦКОМ ХАНСТВЕ В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА**THE POLITICAL CRISIS IN THE KALMYK KHANATE AT THE BEGINNING OF THE 18TH CENTURY**

Тепкеев Владимир Толтаевич

Tepkeev Vladimir Toltaevich

к.и.н.

Candidate in History

*Калмыцкий научный центр Российской академии**Kalmyk research centre of the Russian Academy of**наук, 358000, Республика Калмыкия,**Sciences, 358000, Republic Kalmykia, Elista, Ilishkina**г. Элиста, ул. Илшикина, 8**st., 8,*e-mail: tyt75@mail.rue-mail: tyt75@mail.ru

Статья посвящена вопросу о политическом кризисе в Калмыцком ханстве и уходе части волжских калмыков из Южной России в пределы Джунгарского ханства в начале XVIII века. В хронологической последовательности рассматриваются драматические события 1701–1702 гг., которые были вызваны борьбой за власть в ханской семье или попыткой «дворцового переворота». Этим конфликтом воспользовались представители калмыцкой правящей элиты, недовольные политикой хана Аюки и желавшие смены власти. Но поддержка царского правительства калмыцкого хана сорвало планы заговорщиков, и часть их во главе 15 тысяч кибиток откочевала на территорию Джунгарии. Данное событие, кардинально повлиявшее на расстановку в ойратском обществе, значительно ослабило Калмыцкое ханство и, соответственно, численно усилило Джунгарское ханство

The article deals with a political crisis in the Kalmyk khanate and the departure of the part of the Volga Kalmyks from South Russia to the borders of the Jungar khanate at the beginning of the XVIII century. The dramatic events of 1701–1702 which were caused by a race for power in a khan's family or by an attempt of «palace revolution» are considered in chronological sequence. This conflict was used by the representatives of the Kalmyk ruling elite who were dissatisfied with the khan Ayuka's policy and interested in the change of the political power. But the support of the tsarist government given to the Kalmyk khan ruined the plans of the conspirators and some part of them embracing 15 thousand of nomad tents moved on to the territory of Jungaria. This event which cardinally influenced on the alignment of forces in the Oirat society considerably weakened the Kalmyk khanate and correspondingly increased the population size in the Jungar khanate

Ключевые слова: ДЖУНГАРЫ, КАЛМЫКИ, XVIII ВЕК, АЮКА-ХАН, ДЖУНГАРСКОЕ ХАНСТВО, ЯИЦКИЕ КАЗАКИ

Keywords: THE JUNGHARS, THE KALMYKS, THE 18TH CENTURY, AYKA-KHAN, THE JUNGAR KHANATE, THE YAIK REGION COSSACKS

Doi: 10.21515/1990-4665-124-005

Становление и подъем Калмыцкого ханства во второй половине XVII в. постепенно стали переходить в стадию упадка, и в конечном итоге к ликвидации государства на Волге в 1771 г. в результате исхода большей части народа на территорию Цинской империи. Но первые признаки упадка ханства и реализации идеи отходничества из России в восточном направлении стали проявляться еще на рубеже XVII–XVIII вв., что привело к событиям 1701–1702 гг., когда в Калмыцком ханстве вспыхнула междоусобица в правящей ханской семье, и с Волги в Джунгарию откочевало 15 тыс. кибиток во главе с Санджабом. В истории ханства это

событие всегда стоит особняком и привлекает внимание исследователей как первая серьезная попытка насильственной смены власти в период правления калмыцкого Аюки-хана (1669–1724 гг.).

Основой источниковой базы настоящей работы послужили материалы фондов 111 («Донские дела») и 119 («Калмыцкие дела») Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Необходимо отметить, что теме ухода Санджаба в Джунгарию в 1701 г. в своем исследовании достаточно подробно уделили внимание калмыцкие историки М. М. Батмаев [1, 2] и А.В. Цюрюмов [3]. Поэтому цель данной статьи – на основе новых архивных данных осветить в полной мере все моменты этого события, которые привели к уходу столь значительной массы волжских калмыков в Джунгарию. Обзор политической ситуации в калмыцком обществе и его взаимоотношения с Московским государством в начале XVIII в. должны в полной мере ответить на вопрос: как вообще смогло произойти столь масштабное событие, кардинально повлиявшее на расстановку в обществе, ослабив Калмыцкое ханство и, соответственно, численно усилив Джунгарское ханство.

По данным В.М. Бакунина, непосредственным поводом конфликта стали следующие события: «1701 года большей хана Аюки сын, а хана Дондук Даши отец, Чакдорджаб застал его, Аюку. у жены своей, имянуемой Тарбаджи, и хотел его за то заколоть, но калмыками до того не допущен: однако же он Чакдорджаб тот его Аюкин поступок всему калмыцкому народу разгласил и тем оной народ привел до того, что все владельцы и другие Аюкины дети, от одной с Чакдорджабом матери рожденные Санджаб и Гунделен, с своими и с его Аюкиными улусами, оставя Аюку, пристали к нему Чакдорджабу, и с ним отлучались за реку Яик и пересылались с зенгорцами главным владельцем Хон-тайшею...» [4, 5].

Однако, при рассмотрении документов того времени мы не находим конкретных сведений, подтверждающих сведения В.М. Бакунина, который, хотя и был современником Аюки-хана и других исторических персонажей тех событий, но непосредственно к службе в качестве переводчика калмыцкого языка он приступил только в 1720 г.

Некоторые обстоятельства этого мятежа стали известны в 1731 г., когда Дондук-Омбо, сын Гунджаба, в письме к астраханскому губернатору И.П. Измайлову сообщал, что в 1699 г. скончались братья Аюки – Араптан и Замса (Джамцо), а их улусы хан разделил между своими сыновьями. Более крупный улус Араптана был передан младшему ханскому сыну Гунджабу, женившемуся на вдове умершего владельца. Меньший по численности улус Замсы достался другому сыну – Санджабу. Подобный раздел улусов, по мнению последнего, видимо, был несправедливым, в чем и был поддержан старшим братом Чакдорджабом. Как оказалось, Замса перед смертью завещал свой улус Санджабу, но младшая супруга умершего владельца решила выйти замуж за Гунджаба и передать ему улус. Все эти действия повлекли за собой резкий всплеск напряженности в калмыцких кочевьях и привели в конечном итоге к вооруженному конфликту, в ходе которого Санджаб и его брат Гунделек насильно отобрали у Гунджаба улус Араптана [3. С. 152, 153].

Таким образом, причиной конфликта и выступлением сыновей против отца стал вопрос о наследовании отдельных улусов умерших владельцев. О субъективном подходе Аюки-хана к решению этого вопроса говорит тот факт, что он из всех сыновей выделял именно Гунджаба, наделив его более крупным владением. Это подтверждал и калмыцкий летописец XVIII в. Габан Шараб, который указывал, что Аюка намеревался все улусы передать Гунджабу [6. С. 9].

Дальнейшие события в калмыцких улусах В. М. Бакунин освещает следующим образом: «а четвертой Аюкин сын, от другой жены его

рожденной, а бывшего хана Дондук Омбы отец Гунжеп, во время того смятения подсылал нарочного зайсанга Некая, которой, в ночное время подъехав к Чакдорджабовой кибитке и сквозь оную по нем, Чакдорджабе, из ружья выстрелил и его ранил двумя пулями и затем по усилении Чакдорджаба в калмыцких улусах оной брат Чакдорджабов Гунжеп уходил от него на нагорную реки Волги сторону и жил в Саратове у воеводы Никифора Беклемишева, а хан Аюка во сте кибитках уходил в Яицкой казачей городок...» [4. С. 27].

Данные сведения находят подтверждение и в документах того времени. В одном из писем в Москву Чакдоржаб признавал, что «меж собою у нас ссора чинитца». По его сведениям, Аюка с Гунджабом действительно организовали против него заговор и покушение на жизнь, подослав убийцу с пищалью. Однако, как он сам сообщил, «и божию изволению я не умер». После неудачного покушения Аюка и Гунджаб вынуждены были бежать в окрестности Саратова [7].

В это время происходит объединение воинских сил Чакдорджаба и Санджаба, о чем упомянул в своем письме к Б.А. Голицыну Гунджаб. Несмотря на то, что Санджаб с улусом кочевал за Яиком, он быстро отозвался на призыв старшего брата и пришел к нему с войском. У Гунджаба были серьезные опасения по поводу возможности откочевки Чакдорджаба на восток, поэтому он заверил Б.А. Голицына, что предпримет все шаги по недопущению этого [8].

7 августа Гунджаб лично прибыл в Саратов и сообщил представителям местной власти, что еще в июле тайши Санджаб, Назар-Мамут и Денджин с улусами откочевали за Яик. К этой же реке отправили свои улусы Чакдорджаб и Гунделек, хотя с войском продолжали оставаться у реки Еруслан. Очевидно, что они планировали окончательно разбить силы брата и отца, который от своих же непокорных сыновей сидел «в осаде» на одном из волжских островов в «крепких местах» на

луговой стороне выше Саратова. Поскольку со дня на день Аюка ждал появления войск Чакдорджаба и Гунделека, то Гунджаб просил саратовского воеводу Алексея Яковлевича Новосильцева о военной помощи. Но без государева указа воевода не решился отправить помощь хану и посоветовал Гунджабу со своей просьбой лично выехать в Москву, чтобы «челом бить государю» [9].

Вскоре Гунджаб снова вернулся в Саратов с неутешительными для себя известиями. Он не успел на помощь к отцу, так как того «за боем в степи» взял Чакдорджаб. Воевода А. Новосильцев срочно отправил Григория Микулина в улусы к Чакдорджабу и Аюке с письмами и «для подлинной ведомости». Аюка сообщил посланнику, что Санджаб с улусом откочевал за Яик, а Чакдорджаб и Гунделек следуют за ним в том же направлении. Однако при личной встрече с Микулиным Чакдорджаб опроверг слухи, что он якобы направляется за Яик, более того, по его сведениям, Санджаб также не мыслит об уходе и желает присоединиться к нему. В своем письме саратовскому воеводе от 30 августа Чакдорджаб так объясняет сложившуюся на тот момент ситуацию: отец в сопровождении супруги Гунджаба «поехал богу молитца за Китай» [9. Л. 11].

Но вскоре Аюка дал о себе знать, когда 4 сентября прислал в Саратов Шимурата. По его сведениям, Чакдорджаб совершил нападение на улус отца в конце августа: «и велел своим улусным людям всех отбить прочь, и взял к себе с силою и конные и скотину ево Аюкины табуны побрал, а ему де Аюкаю тайше конских табунов и скотину дал самое малое число и послал де ево Аюкая тайшу неволею за Яик и велел ему, Аюкаю тайше, ехать к богомолью в Зов». Аюка через Шимурата передал Новосильцеву, что находится в Яицком городке и желает «служить по прежнему» [9. Л. 11, 12].

История о том, как Аюка неожиданно изменил маршрут и оказался в Яицком городке, нам становится известна из сообщения самих казаков. 1

сентября казаки Василий Иванов и Александр Шалеев по личным делам побывали в лагере Аюки, который, по всей видимости, направлялся в восточном направлении. С Аюкой находились только 300 воинов, и он серьезно опасался за свою жизнь. По словам хана, не желая изменить государю и «видя над собою такое разорение и убийство, отпросился у них постричься по своей вере, чтоб иво не извели». Он прямо обвинял своих непокорных сыновей в измене, что те с улусами направляются к «черным калмыкам», т. е. джунгарам. На призыв о помощи яицкие казаки во всеоружии и с артиллерией вышли навстречу калмыцкому хану и под охраной препроводили его под городок. Получив известие от казаков, 3 ноября на Яик пришел государевой указ о защите Аюки [10].

Аюка срочно отправляет в Москву и близлежащие города известие о своем положении. Например, в письме к Б.А. Голицыну от 3 сентября он пишет: «сын мой улусы мои взял и у Боронталу сиречь с правую сторону пошел, а я со всеми улусами прикочевал на Яик». Он не безосновательно ожидал помощи из столицы, так как в его распоряжении было небольшое войско и яицкие казаки. В Москве быстро отреагировали на письмо и направили указ в Саратов, чтобы оттуда на Яик к Аюке отправили продовольствие: ржаную муку и крупу [11].

Очевидно, что правительство приняло меры по урегулированию конфликта, поскольку не было заинтересовано в уходе сыновей Аюки в Джунгарию. Насколько центральные власти придавали этому серьезное значение, говорит тот факт, что для примирения конфликтующих сторон в улусы были направлены саратовский и самарский воеводы. Перед А. Новосильцевым была поставлена задача – выяснить причины семейной ссоры, какова у Аюки истинная поддержка в народе и почему улусные люди не поддержали его в столкновении с сыновьями. Также правительство интересовал вопрос о том, как лучше справиться с мятежными тайшами – силовым методом или уговорами. Следом же

воевода получил государеву грамоту, в котором извещалось об уходе Чакдорджаба из-под Астрахани из-за страха быть наказанным за ссору с отцом. А. Новосильцеву было велено со служилыми людьми выехать в улусы и читать тайшам в присутствии улусных людей грамоту Петра I, чтобы они без страха кочевали на прежних местах. К Чакдорджабу был послан отдельный указ со стольником Д. Бахметевым. Но из-за дальности расстояния А. Новосильцев так и не решился выехать в калмыцкие улусы [1. С. 47].

При встрече и в личном разговоре Аюка полностью изложил Беклемишеву ход событий и пояснил, почему это произошло: «отошло с ними, детьми, иво и их улусных людей многое число, и теми де силами они иво Аюкиных улусных людей взяли с собою поневоле за боем». Попытка Аюки сформировать коалицию с яицкими казаками, джунгарским Цаган-Батуром и его сыновьями, Араптаном и Даши, успехом не увенчались, поскольку Даши неожиданно изменил и ушел за Яик. Беклемишев поинтересовался мнением казаков и самарцев о настроениях, царящих в калмыцких улусах, и пришел к выводу: «больше тужат об нем, Аюкае тайше, и о ево разоренье» [12].

8 ноября в следующей личной беседе с самарским воеводой Аюка сокрушался по поводу вероломности своих мятежных сыновей. По его словам, незадолго до конфликта Чакдорджаб, Санджаб и Гунделек «дали меж себя души, что жить им меж собою з братом своим Гунжепом в союзе, и, дав души, брата своего Гунжепа согнали за Волгу». Но желание Аюки немедленно наказать непокорных сыновей не поддерживали уфимцы, самарцы и яицкие казаки, которые без государева указа не решались выступить против них. Поэтому хан просил Беклемишева поддержать его военное наступление, чтобы вернуть сыновей «под государеву руку», поскольку «уговором дети ево не поворотятца» [12. Л. 22]. О выделении

10-тысячного войска Аюка в своем письме просил и руководителя Приказа Казанского дворца Б.А. Голицына [13].

Конфликт Аюки с сыновьями разделил верхушку калмыцкого общества практически на два лагеря. Но постепенно от Чакдорджаба стали отходить некоторые владельцы. В начале февраля 1702 г. от него ушел на Дон дербетский тайша Черкес и присоединился к кочевавшему там брату Мунко-Темиру. По сообщению Черкеса, главными инициаторами («пущими заводчиками») ухода в Джунгарию были тайши Назар-Мамут и Бонба, которые владели многочисленными улусами. В самом улусе Чакдорджаба сторонниками ухода были владельцы Даин Кашка и Ансыр Тарсухай, «потому что они от них воровства много к Аюке тайше и к сыну его Гунжепу» [Цит. по: 1. С. 48].

В начале апреля Чакдорджаб дал о себе знать, когда прислал своего посланца Мучу к Дмитрию Бахметеву с письмом на имя Б. А. Голицына, в котором изложил свою точку зрения на последние события. Но в другом письме, присланном в мае, Чакдорджаб не утверждал, что его отец направляется на богомолье в Тибет, а откочевал только «повидатца с родственники не на большое время» и «вскоре возвратитца в сторону царского величества, служить на старое кочевье». Себя он также называл приверженцем государевого подданства и не собирався из-под него уходить [14].

Очевидно, что его позиция в отношении отца стала смягчаться, и, возможно, это стало результатом того, что от него стали все больше отделяться и переходить на сторону Аюки крупные владельцы [14. Л. 7]. Скорое примирение отца с сыном не заставило себя долго ждать. В историографии сложилось мнение, что в этом ключевую роль сыграл Б.А. Голицын, который в конечном итоге и примирил Аюку с Чакдорджабом [4. С. 28]. В архивных документах сведений об этой встрече обнаружить не удалось, но примирение состоялось, и в не малой степени

этому способствовала внезапная и загадочная смерть Гунджаба, к которому Чакдорджаб и его братья питали самые неприязненные чувства [1. С. 48].

28 сентября 1702 г. из Астрахани к Чакдорджабу был отправлен стрелецкий голова Михаил Кареймов (Кереитов) с призывом помириться с отцом и с ним продолжать верно служить государю. 5 ноября Кареймов вернулся в Астрахань с письмом от Аюки, в котором тот сообщал об окончательном примирении с Чакдорджабом и Гунделеком. Отец забрал у сыновей ранее захваченный свой улус, а с Чакдорджабом состоял «во всяком совете по прежнему» [15].

Так, к концу 1702 г. в Калмыцком ханстве установился мир, но около 15 тыс. кибиток во главе с Санджабом откочевали на территорию Джунгарии. Нам неизвестно, почему он, как и Чакдорджаб, не пошел на мировую с отцом, но его дальнейшая судьба сложилась весьма незавидно. Здесь обращает на себя внимание роль в этих событиях джунгарского правителя Цэван-Рабдана. В.М. Бакунин отмечал, что Чакдорджаб, Санджаб и Гунделек «со своими и с его, Аюкиными, улусами» откочевали за Яик и вступили в переговоры с джунгарским правителем. Известно, что правитель Джунгарии, приняв беглые улусы, разделил их по своим владениям, а Санджаба возвратил к хану Аюке [4. С. 27].

Подводя итог, отметим несколько положений из вышеизложенных событий начала XVIII в. Во-первых, конфликт 1701 г. был вызван борьбой за власть в правящей ханской семье, что, по мнению М. М. Батмаева, выглядело своего рода попыткой «дворцового переворота» [1. С. 49]. Во-вторых, царское правительство, заинтересованное в использовании военного потенциала калмыцкой конницы в охране южных границ, всеми мерами старалось сплотить тайшей и избежать самой возможности ухода калмыков в Джунгарию.

Библиографический список:

1. *Батмаев М. М.* Внутренняя обстановка в калмыцком ханстве в конце XVII в. // Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 34–53. 143 с.
2. *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII – XVIII веках. События, люди, быт: В 2-х книгах. – Элиста: Калмкнигоиздат, 1993. – 381 с.
3. *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. – 464 с.
4. *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгутского, и поступков их ханов и владельцев. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. – 158 с.
5. Российский государственный архив древних актов (сокращенно – РГАДА). Ф. 119. Оп. 1. 1701 г. Д. 4. Л. 6.
6. *Габан Шараб.* Сказание об ойратах (Калмыцкая летопись) // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники: Пер. с калм. / Сост., ред., вступ. ст., предисл., коммент. А.В. Бадмаева. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. – 477 с.
7. РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. – 1701 г. – Д. 11. – Л. 4.
8. РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. – 1701 г. – Д. 2. – Л. 19.
9. РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. – 1701 г. – Д. 8. – Л. 10.
10. РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. – 1701 г. – Д. 6. – Л. 1, 2, 5.
11. РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. – 1701 г. – Д. 5. – Л. 2, 6.
12. РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. – 1701 г. – Д. 9. – Л. 20, 21.
13. РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. – 1701 г. – Д. 14. – Л. 2.
14. РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. – 1702 г. – Д. 1. – Л. 7, 7об.
15. РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. – 1702 г. – Д. 3. – Л. 1об, 2.

References

1. *Batmaev M. M.* Vnutrennyaya obstanovka v kalmytskom hanstve v kontse XVII v. // Iz istorii dokapitalisticheskikh i kapitalisticheskikh otnosheniy v Kalmykii. Elista: KNIYALI, 1977. S. 34–53. 143 s.
2. *Batmaev M.M.* Kalmyki v XVII – XVIII vekah. Sobytiya, lyudi, byt: V 2-h knigah. – Elista: Kalmknigoizdat, 1993. – 381 s.
3. *Cjurjumov A. V.* Kalmyckoe hanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnosheniy. – Elista: ZAOr «NPP «Dzhangar», 2007. – 464 s.
4. *Bakunin V. M.* Opisanie kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nih torgutskogo, i postupkov ih hanov i vladeltsev. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1995. – 158 s.
5. Rossiyskiy gosudarstvennyy arhiv drevnih aktov (RGADA). F. 119. Op. 1. 1701 g. D. 4. L. 6.
6. *Gaban Sharab.* Skazanie ob ojratih (Kalmyckaja letopis') // Lunnyj svet: Kalmytskie istoriko-literaturnye pamyatniki: Per. s kalm. / Sost., red., vstup. st., predisl., komment. A.V. Badmaeva. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 2003. – 477 s.
7. RGADA. – F. 119. – Op. 1. – 1701 g. – D. 11. – L. 4.
8. RGADA. – F. 119. – Op. 1. – 1701 g. – D. 2. – L. 19.
9. RGADA. – F. 119. – Op. 1. – 1701 g. – D. 8. – L. 10.
10. RGADA. – F. 119. – Op. 1. – 1701 g. – D. 6. – L. 1, 2, 5.
11. RGADA. – F. 119. – Op. 1. – 1701 g. – D. 5. – L. 2, 6.
12. RGADA. – F. 119. – Op. 1. – 1701 g. – D. 9. – L. 20, 21.
13. RGADA. – F. 119. – Op. 1. – 1701 g. – D. 14. – L. 2.
14. RGADA. – F. 119. – Op. 1. – 1702 g. – D. 1. – L. 7, 7ob.
15. RGADA. – F. 119. – Op. 1. – 1702 g. – D. 3. – L. 1ob, 2.